Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы

Автор:
Александра Баркова

Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы

Александра Леонидовна Баркова

МИФ КультураМифы от и до

Долгожданное продолжении серии «Мифы от и до», посвященное славянской мифологии.

Древние славяне, в отличие от греков, египтян, кельтов и многих других народов, не оставили после себя мифологического эпоса. В результате мы не так уж много доподлинно знаем об их мифологии, и пробелы в знаниях стремительно заполняются домыслами и заблуждениями. Автор этой книги Александра Баркова рассказывает, что нам в действительности известно о славянском язычестве, развеивает популярные мифы и показывает, насколько интересными и удивительными были представления наших предков об окружающем мире, жизни и смерти.

Книга содержит около 100 иллюстраций.

Александра Баркова

Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В дизайне обложки и оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock (Sofya Goncharuk, Sidhe, solnca_lych, Ashusha).

The series concept has been used by permission of Thames&Hudson Ltd.

© Баркова Александра Леонидовна

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Рисунок Алены Шуваловой

Введение

Славянское язычество – одна из самых малоизученных и загадочных мифологий. И хотя за последние тридцать лет о нем написано столько, что это уже породило самостоятельное направление – так называемое родноверие (неоязычество), все эти труды не только не приблизили нас к пониманию подлинной древнерусской культуры, но и, напротив, катастрофически отдалили от него. Именно поэтому, прежде чем говорить о славянском язычестве, необходимо ответить на два вопроса: кто такие славяне и что такое язычество?

Славяне – один из индоевропейских народов. К сожалению, сейчас можно встретить псевдонаучный термин «славяноарии». Он дублирует сам себя: славяне и есть арии. Точно так же, как индийцы, иранцы, цыгане, армяне, греки, итальянцы, немцы, скандинавы, англичане, французы, ирландцы, испанцы. Термин «арий» (или «ариец») был популярен в науке начала XX века, он происходит от индоиранского слова, означающего «благородный, свободный». В современном научном лексиконе его используют только по отношению к народам Индии и Ирана, а вот в публицистике, увы, с его помощью стремятся подчеркнуть мнимое превосходство одного народа над другими. Славяне не более родственны индийцам, чем другим индоевропейцам, и потому словосочетание «славяноарии» – признак текста ненаучного и, с высокой вероятностью, националистического.

«Славяне» – это самоназвание. Слово это есть в языках всех славянских народов (русском, украинском, белорусском, польском, чешском, словацком, словенском, сербском, хорватском и др.). В древности оно писалось иначе – «слов?не». Произошло, вероятно, от «слово» и означало людей, «говорящих по-нашему», в противоположность «немцам» – тем, чья речь непонятна и кого по этой причине считали «немыми». Версия, по которой название «славяне» связано со «славой» и означает «славные», возникла в позднем Средневековье.

Славяне впервые упоминаются греко-римскими авторами примерно пятнадцать веков назад. Тогда их называли «склавинами», «антами», «венедами». В это время они жили между реками Висла и Днепр (и доходили до Дуная и Двины). Этот народ оставил заметные следы в топонимике, особенно в названиях рек, которые встречаются по всей Центральной Европе и служат важнейшим материалом для изучения расселения древних славян.

Уже к VIII веку славяне заняли почти всю Восточную и Центральную Европу (от Балтийского моря и границ бассейна Волги до Черного моря, почти весь Балканский полуостров, а также территорию современной Польши, Чехии и части Германии). И разделились на три ветви (восточные, западные и южные), сохранившиеся до сих пор.

Государства, которое объединяло бы всех славян, никогда не существовало. Более того, ко времени формирования Киевской Руси (IX век) значительная часть славян по-прежнему сохраняла племенной строй. И потому в каждом регионе, в каждом племени имелись свои культы – в чем-то сходные, в чем-то отличные. Не было и общеславянского языческого пантеона, так что реконструировать его

невозможно.

В этой книге речь пойдет в основном о восточных славянах. Чтобы понять, насколько их мифология отличалась от культуры западных славян, посмотрим цитату из «Славянской хроники» немецкого миссионера XII века Гельмольда:

У славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага; у других божества населяют леса и рощи, как Прове, бог Ольденбургской земли, – они не имеют никаких идолов. Многих богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами.

Ольденбургская земля находится в Германии, сравнительно недалеко от побережья Северного моря. Как видим, она достаточно удалена от Киева и Новгорода, где никаких идолов «с двумя, тремя и больше головами» никогда не появлялось.

Итак, славяне были язычниками. Слово «язычник» происходит от древнерусского «язык», означающего «народ» (вспомним Пушкина: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, // И назовет меня всяк сущий в ней язык…» – и далее поэт перечисляет народы). Термин «язычество», или «народная вера», употребляется в противопоставление любым монотеистическим религиям, а также современным мистическим учениям (тому самому неоязычеству), имеющим книжное, кабинетное происхождение. Важно не путать язычество с многобожием (политеизмом), потому что язычество – это не просто вера во множество богов, а воспринятая с рождения система переживаний окружающего мира и всех событий (и календарных, и биографических), в которой силы, влияющие на жизнь природы и человека, персонифицированы и индивидуализированы. Язычник не «пытается объяснить себе мир», как было принято считать раньше, у него на все вопросы уже заранее есть ответы, и ответы эти лежат в области не логики, а эмоций. По сути, мир язычника – это веками и поколениями выстроенная система эмоциональных переживаний, когда все общество в едином порыве горюет, радуется, пугается, ликует и т. д. И при этом всё вокруг воспринимается как неисчислимое множество сущностей, правила поведения с которыми известны с малолетства. Языческое мировоззрение идеально отражено в стихах И. Бродского:

В деревне Бог живет не по углам,

как думают насмешники, а всюду.

Он освящает кровлю и посуду

и честно двери делит пополам.

В деревне он – в избытке. В чугуне

он варит по субботам чечевицу,

приплясывает сонно на огне,

подмигивает мне, как очевидцу.

Именно это мироощущение и отличает язычество от пантеизма (воспринимающего мир как силу живую, но не персонифицированную) и от неоязычества (идущего от логических попыток реконструировать обряды и культы, но неспособного выйти за границы интеллектуально-аналитического мировоззрения современного горожанина). Питательной средой язычества был мир, где каждому человеку (подчеркнем: каждому!) грозила гибель даже в условиях мирной жизни – на охоте, от неурожая, болезни, пожара, удара молнии, а женщинам еще и вследствие родов. В этих обстоятельствах эмоциональный мир язычника, способного общаться едва ли не со всеми объектами природы и культуры, выглядит несокрушимой психологической защитой, а жестко расписанная система ритуалов – той душевной опорой, по которой тоскуем мы в нашем несопоставимо более мягком и гуманном обществе.

Славянское язычество безвозвратно ушло в прошлое, и отнюдь не из-за принятия христианства (как мы увидим, в XI–XII веках при двоеверии язычество не только не погибло, но и, вероятно, получило дополнительный импульс в виде духовной «конкуренции», и даже в XVII веке церковники негодовали по поводу регулярно совершаемых языческих обрядов). Причина гибели язычества – развитие промышленности и медицины, благодаря которым в мировоззрении человека появилось больше логики, эмоциональность снизилась, а способность находиться в непрестанном диалоге со всем мирозданием ушла в прошлое.

Источники сведений о славянском язычестве

До нас не дошло ни единого подлинного языческого текста (о причинах этого расскажем далее (#GDE)). По этой причине мы вынуждены опираться на косвенные и вторичные источники.

Низшую мифологию (поверья о духах, окружающих человека) мы знаем благодаря фольклорным записям. Деревня сумела сохранить народное православие – форму народной религии, где тесно переплелись элементы христианской канонической, апокрифической и фольклорной традиций, связанные с народным календарем и народной медициной. Христианские представления перемешаны здесь с остатками язычества, а под именами святых угадываются древние боги. Часть фольклорных записей была сделана во второй половине XIX века, когда жизнь деревни довольно мало отличалась от уклада многовековой давности, часть – в XX веке, когда ученые повсюду скрупулезно искали следы древнего мировоззрения (особо стоит отметить экспедиции в Полесье под руководством академика Н. И. Толстого).

О высшей мифологии (представлениях о богах) нам сообщают древнерусские литературные источники. Это летописи (например, упоминание о клятве при договоре Олега с греками или о богах пантеона Владимира в «Повести временных лет»), «Слово о полку Игореве» (единственный памятник древнего светского красноречия) и особенно – поучения против язычества, поскольку христианские священники в пылу полемики излагали те представления, с которыми вели борьбу.

Менее надежный источник – археологические изыскания и образцы декоративно-прикладного искусства. Символика орнамента более чем неоднозначна; чтобы соотнести изображение с конкретными образами и мифами, эти мифы нужно знать. И даже в этом случае исследователь не застрахован от ошибок!

Еще менее надежная область – данные сравнительной мифологии. Несмотря на то что у мифологии индоевропейских народов был общий источник, за тысячелетия мифы разошлись, иногда – радикально (скажем, боги Индии соответствуют мелким монстрам Ирана, а самые могущественные боги Ирана – индийским демонам). Каждая из мифологий идет по своему пути развития, и, к примеру, отнюдь не везде громовержец является владыкой богов, как Зевс

или Юпитер в Античности. Так что данными сравнительной мифологии можно пользоваться только для подтверждения концепций.

И наконец, самый сомнительный (и опасный!) источник – это данные лингвистики. Первая его опасность заключается в том, что историческое языкознание – наука исключительно сложная, однако множество горе-исследователей сочиняют свои варианты этимологий, приписывая некие значения отдельным слогам или буквам. И даже профессиональный лингвист не застрахован от ложных трактовок. Но есть и вторая опасность: у богов с родственными именами функции порой радикально различаются, и сходство имен ни в коем случае не означает сходства сюжетов. В дальнейшем мы встретимся с печальным примером подобной ошибки.

Где же славянские мифы?

Согласитесь, картина складывается довольно странная. Русь VIII–X веков – государство, не уступающее современным ему европейским странам. Она воюет с Византией, заключает договоры, отличается высоким уровнем культуры – и это подтверждено множеством исторических свидетельств. Современная ей Скандинавия (а варяги на Руси – родственники скандинавских викингов) в этот период создала «Старшую Эдду» – знаменитый сборник песней о богах и героях, ставший одной из жемчужин мировой мифологии.

Стоп. Песни «Эдды» действительно были сложены примерно в VIII веке, но записали-то их в середине XIII века, не ранее! Пять столетий они существовали только в устном варианте. И если бы не Снорри Стурлусон, составивший в начале XIII века свою книгу «Эдда» (мы называем ее «Младшей Эддой»), то неизвестные книжники никогда не решили бы записать древние сказания.

Итак, скандинавские сказания о богах передавались из уст в уста на протяжении полутысячелетия. Принятие викингами христианства, конечно, снизило интерес к мифологическим песням, но не привело к их исчезновению.

Какие еще священные тексты долго «жили» в устной форме? Самый яркий пример – гимны индийской Ригведы («Книги гимнов»). Их сложили в XII–X веках до н. э., а записали (и это известно наверняка) … в XI веке. Двадцать три века

устного бытования! Заметим, что индийцы применяли специальные правила для запоминания текста (вперед, назад, вразбивку), благодаря чему он заучивался с точностью даже не до слова, а до звука.

Такой силой в древности обладало устное слово.

Отрывок из трактата «О письменах» Черноризца Храбра в редакции «Острожского букваря» Ивана Федорова (Острог, 1578). Л. 40 из трактата «О письменах» Черноризца Храбра в редакции «Острожского букваря» Ивана Федорова (Острог, 1578). (Wikimedia Commons).

Добавим, что письменность как таковая возникла не для возвышенных нужд: первые записи в истории человечества – это долговые расписки. И если мы посмотрим на знаменитые новгородские берестяные грамоты, то обнаружим, что почти все они касаются хозяйственных вопросов. Иначе говоря, в древней культуре устное слово считалось сакральным, божественным, а письменное – профанным, бытовым.

А как же Евангелие? – можете спросить вы. Дело в том, что античная культура к началу нашей эры была уже очень старой. Ее возраст приближался к тысячелетнему, а объем достижений давно перерос возможности человеческой памяти. Для Греции и Рима, принявших христианство, письменный текст стал единственно возможным носителем любой информации – от самой возвышенной до самой приземленной.

Однако в молодых культурах, таких как славянская и скандинавская, священный текст существовал только в устной форме.

Имелась ли у славян письменность, аналогичная скандинавским рунам? Возможно.

Черноризец Храбр так сообщает в «Сказании о письменах»:

Прежде ведь славяне не имели книг, но чертами и резами читали и гадали, будучи язычниками. Крестившись же, римскими и греческими письменами пытались записывать славянскую речь без обработки.

Никаких данных о том, как выглядели эти «черты» и «резы», у нас нет. Но само название «резы» позволяет думать, что славянские знаки были в чем-то родственны скандинавским рунам, предназначенным для вырезания на дереве и кости и для высечения на камне. Возможными наследниками древних «черт» и «рез» могут быть деревянные календари, культура изготовления которых сохранялась, например, в Карелии до начала XX века.

Итак, мы вправе предполагать, что к X веку на Руси мощно развилась устная мифологическая традиция: поэтические сказания о богах и героях, система гимнов, ритуалов и гаданий. Аналогичный период культуры викингов оставил нам бесценные надгробные камни с поминальными надписями и иногда мифологическими изображениями. Понятно, почему мы не обнаруживаем подобного в наследии Руси: нашим материалом было дерево, а не камень. Однако где же тексты?

Скандинавские мифы понадобилось записать потому, что их образы использовались в поэзии. Происходило ли что-то похожее на Руси? Судя по «Слову о полку Игореве» – да. Автор «Слова» свободно обращается с образами языческих богов (причем без трепета перед ними, о чем расскажем далее), имена Дажьбога, Хорса, Велеса и других явно понятны его аудитории. Значит, записывать мифы так, как это сделал в начале XIII века Снорри в своей «Эдде», не требовалось: древнерусская знать (и вообще образованные люди, которых, судя по берестяным грамотам, в городах жило большинство) отлично в них разбирались.

А потом пришел Батый.

Мысль Льва Гумилева о том, что ига на Руси не было, сейчас растиражирована, особенно в ее упрощенном, вульгарном виде. Приведем лишь несколько доказательств того, насколько ошибочно подобное мнение.

Судя по новгородским берестяным грамотам (в Новгороде они сохранились благодаря особенностям почвы; южнее почва плодороднее, и береста в ней сгнивает), читать и писать умела большая часть населения, включая женщин.

Подобный уровень грамотности городского населения будет вновь достигнут лишь к XIX веку.

Белокаменная резьба (Давид-псалмопевец, львы и грифоны). Церковь Покрова на Нерли. XII в. Shutterstock / Lyudmila Shabanova.

Изучая берестяные грамоты на любовную тематику, мы видим, что девушка в домонгольской Руси имела право на свободное выражение чувств, могла написать пространное любовное письмо (а во времена пушкинской Татьяны такое поведение считалось неприличным!), ей предлагали выйти замуж на основе взаимной сердечной склонности. Это резко контрастирует с послемонгольскими домостроевскими порядками, преодоленными лишь в XX веке.

В древнерусской литературе XI–XII веков господствовал прозопоэтический стиль, в нем написаны десятки церковных текстов, а также «Слово о полку Игореве». Следующим же произведением, созданным в этом стиле, стала поэма Гоголя «Мертвые души». Таков урон, который иго нанесло русской словесности.

В XII – начале XIII века мастера покрывали соборы потрясающей белокаменной резьбой. Искусство такой резьбы пытались возродить в начале XX века, но без особого результата. В настоящее время эта традиция утрачена.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать: приход орды Батыя привел Русь к гигантской культурной катастрофе, последствия которой удалось изжить отчасти к XIX веку, отчасти в XX веке, а ряд утрат оказался невосполним. В их числе и язычество.

Орда уничтожала города, имевшие серьезные оборонительные укрепления. В 1240 году пал Киев, который не защитили ни высокие берега Днепра, ни крепостные валы, ни могучие стены. Что уж говорить о языческих капищах, огороженных в лучшем случае частоколом? Орда сметала их, не замечая. А сокровища там находились, судя по всему, немалые… (Поговорим об этом позже, когда дойдем до периода двоеверия.) Жрецы-волхвы погибали под

монгольскими саблями, и вместе с ними гибли их знания: песни о богах и героях, огромная устная культура языческой Руси. Все это за считаные годы исчезло в огне и крови монгольского вторжения…

Самые известные подделки славянской истории и мифологии

Дощечка № 16 «Велесовой книги». Творогов. О. В. Велесова книга. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 43. 1990, стр. 170–254.

Идея о том, что «мы не хуже греков, скандинавов и т. д.», регулярно будоражит малообразованных людей. Разумеется, славяне не хуже, равно как и не лучше любого народа, идущего по своему пути развития. Но трагедия гибели славянских мифов так тревожит некоторых авторов, что побуждает их сочинять эти мифы (и после выдавать за подлинные). Эти же авторы не могут смириться с тем, что культурная история славян насчитывает полтора тысячелетия, они хотят видеть славян одним из древнейших народов, или прародителями народов, или вообще современниками мамонтов.

Наибольший вред науке нанесла так называемая «Велесова книга», опубликованная в середине XX века русским писателем-эмигрантом Ю. П. Миролюбовым. Эта книга якобы была написана на дощечках кириллическим алфавитом, к которому (для придания ему «древнего» вида) сверху добавили горизонтальную черту, как в индийском санскрите. Самих дощечек никто и никогда не видел (что логично, поскольку они, как утверждается, созданы в IX веке, а подделать тысячелетний возраст дерева невозможно). В публикации Миролюбова имелись лишь фото и прорисовки с них.

«Велесова книга» удревняет историю Руси на тысячу и более лет – «арии», они же «русичи», сражаются с Ассирией и Египтом, разбивают римлян и готов, причем отсчет этих событий ведется не от древности к настоящему времени, как в подлинных средневековых хрониках, а наоборот: «за 1500 лет до Дира», «за 1300 лет до Германариха» и т. п. В отличие от летописей, повествующих о народе в третьем лице, автор «Велесовой книги» постоянно использует

местоимение «мы», что сразу же выдает подделку.

Мифология «Велесовой книги» – это попытка объединить монотеизм и политеизм. В ней утверждается, что «нет богов, кроме Вышня», «бог един и множествен» и это «множество» нельзя разделять. Роль триединого бога достается западнославянскому Триглаву, который якобы соединяет в себе восточнославянских Перуна и Сварога и западного Световита. Ту же концепцию – объединение нескольких языческих богов в одном – мы встречаем в «Язычестве Древней Руси» академика Б. А. Рыбакова (книге весьма уважаемой, но, увы, не застрахованной от ошибок). Источник такого суждения – уже упомянутая «Славянская хроника» Гельмольда:

Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они (другие боги), повинуясь ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов.

Однако, во-первых, Гельмольд пишет о верованиях западных славян, а во-вторых, речь идет о боге-прародителе, но никак не о слиянии всех богов в одном.

Почему же Рыбаков и Миролюбов, обладающие разным научным и культурным багажом, одинаково ложно поняли и истолковали эту цитату? Потому что данная идея отвечает духовным потребностям людей, воспитанных в христианской культуре (пусть и отвергаемой, как это было в атеистическом СССР): человек, отрицающий христианского бога-творца, невольно придумывает «свой», «языческий» Абсолют и объявляет множество богов его эманациями.

Еще более продуктивным порождением «Велесовой книги» явилась триада «Явь – Правь – Навь» (Явь – мир людей, Правь – мир богов, Навь – мир мертвых, потусторонний мир). Эта триада возникла под влиянием работ известного американского ученого М. Элиаде, утверждавшего, что представление о трех мирах (Среднем, Верхнем и Нижнем) присуще всем мифологиям. Однако в живых мифологических системах число миров значительно больше и картина сложнее.

Упрощенная схема Элиаде идеально подходит для поверхностного знакомства с мифологией. А версию «Велесовой книги» популярные издания растиражировали настолько, что она стала своеобразным маркером: если в книге о славянах упоминаются «Явь – Правь – Навь», значит, доверять этому тексту нельзя.

Широкую известность «Велесова книга» обрела после публикации в неоязыческом сборнике «Русские Веды». Слово «веды», несмотря на очевидное родство с глаголом «ведать», не древнерусское, оно заимствовано из санскрита: именно в Индии собрания священных текстов называли «ведами», и мы еще неоднократно будем обращаться к «Книге гимнов» – Ригведе. Слово «веды» оказалось необычайно востребованным у сочинителей «древних» славянских мифов, и наличие его на обложке книги – однозначное свидетельство фальсификации.

Еще хуже дело обстоит с термином «ведруссы», придуманным В. Мегре (цикл книг «Звенящие кедры России»). Если «Велесова книга» хотя бы претендует на историчность, то сочинения Мегре и возникшее под их влиянием движение «анастасийцев» (по имени Анастасии – главной героини) – это чистая эзотерика и альтернативная история. Ведруссы – праведный народ, предки европейцев и одновременно славяне – ведут исключительно мирный образ жизни, но при этом побеждают всех, кто на них нападает. Отсутствие ведруссов в исторических документах Мегре объясняет тем, что якобы их противники (Персия, Македония, Рим) стыдились писать о таких поражениях. Когда же Русь приняла христианство, ведруссы уснули. Данная концепция кажется смешной, но при этом имеет множество последователей (разумеется, из малообразованных слоев общества). «Анастасийцы» в своих сочинениях удревняют цивилизацию ведруссов на миллионы (!) лет, связывая ее с материком Арктида-Гиперборея. Гиперборея (буквально «За Бореем», то есть северным ветром) – в греческой мифологии мифическая страна счастья, которая, разумеется, никаких реальных аналогий не имеет; что же касается Арктиды, то есть суши на месте Северного Ледовитого океана, то она существовала, даже дважды: в первый раз – примерно миллиард лет назад, во второй – около 250 миллионов лет назад (когда появились первые динозавры). Но применительно к историческому времени ни о какой Арктиде говорить нельзя.

Наиболее одиозной фигурой в неоязычестве является Александр Хиневич. Его «Славяно-арийские веды» содержат не просто антинаучные, а откровенно националистические, антисемитские идеи. Хиневич «удревняет» историю славян

на 40 тысяч лет (исторически это палеолит, начало культуры пещерного человека) и утверждает, что тогда на Землю из созвездия Большой Медведицы прилетели «арийцы» и «святорусы», записавшие свои тексты на золотых пластинах алфавитом «буквица», каждый знак которого имеет символическое значение. Под видом мистической «буквицы» А. Хиневич выдает кириллический алфавит в его церковнославянском варианте (то есть с греческими буквами для литургических терминов), куда добавлены диграфы «от», «ае» и некоторые другие средневековые знаки.

Глаголица. Страница из «Букваря старославянского языка» И. Берчича. 1862 г. Ivan Bercic.Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni za citanje crkvenih knjig, 1860.

На самом деле кириллический алфавит не является «древней славянской азбукой» и, вопреки расхожему мнению, не был создан Кириллом и Мефодием. Этот алфавит – результат политического компромисса IX века. Тогда славянские страны Центральной Европы хотели проводить христианское богослужение на родном языке, но Константинополь не позволял им пользоваться глаголицей – алфавитом, специально для этого созданным Кириллом и Мефодием, и поэтому ученик Кирилла Климент приспособил для записи славянских текстов греческий алфавит (назвав его в честь своего учителя кириллицей).

Поклонников А. Хиневича узнать легко. Они предпочитают рассматривать любые слова как аббревиатуры, «расшифровывая» их в соответствии с «буквицей» или собственными представлениями, и твердо уверены: сто тысяч лет назад «славяноарии» передвигались на летающих тарелках, все алфавиты мира происходят от «буквицы», а все народы мира (кроме евреев) – от «славян».

Еще один маркер как фальсификации, так и национализма – знак «коловрат». Возникновение этого слова связано с именем Евпатия Коловрата, персонажа древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем» (вероятнее всего, вымышленного). Знак «коловрат» представляет собой свастику, вписанную в квадрат или круг. В древнерусском и русском народном искусстве этого символа не было, он появился в 1990-е годы.

Подобные псевдоисторические, эзотерические и националистические теории дискредитируют неоязыческое движение в целом. Между тем в среде неоязычников немало фольклористов, собирающих остатки народной культуры, музыкантов и певцов, исполняющих народные песни, а также реконструкторов, воссоздающих традиционную одежду и утварь, доспехи и оружие (нередко – по историческим технологиям). И хотя, как уже было сказано, возродить языческую культуру невозможно (да и не нужно современному человеку), знание и поддержание традиций своего народа – это вклад в сохранение исторической памяти, без которой народ обезличивается. К сожалению, фантазии о «славянах на звездолетах» как раз и способствуют этому обезличиванию.

Глава 1. Мифология животных и растений

Волк и медведь

Наиболее могущественными в магическом плане животными на Руси считались волк и медведь. Они обладали противоположной символикой: волк воплощал движение, связь между мирами, постоянно проницаемую границу людского мира и потустороннего; медведь же символизировал центр иного мира, оставался неподвижным, а контакт с ним был нарушением, за которым следовала расплата.

Эпитет волка в народной культуре – «чужой», «другой». Как ни странно, это указывало на близость: волка воспринимали не как животное, а как человека, но из «чужого» племени. Чтобы понять смысл этой чуждости, надо посмотреть, кого из людей называли волками. В свадебных причитаниях невеста, оплакивая вольную девичью жизнь, звала «серыми волками» друзей жениха, да и самого жениха сравнивали с волком, рыщущим в поисках добычи. И напротив, на свадебном пиру (то есть в доме жениха) волками нарекали родню невесты, а ее

саму в свадебных песнях именовали волчицей. Подобное явление хорошо известно исследователям древних языков: когда понятие «другой» отражает весь спектр отношений – от друга до врага. Именно такими «другими» в племенной древности и являлись члены «волчьих братств», представления о которых сохранились в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина.

Много суеверий живет в охотничьей среде, ведь удача на охоте не менее, а то и более важна, чем меткость охотника. Именно поэтому в те времена, когда охота являлась основным источником пищи, а земледелие было развито слабо, будущему охотнику полагалось символически умереть как обычному человеку, обрести свою звериную сущность, чтобы в будущем зверь сам шел к нему в руки. Для этого существовал обряд инициации: юношей уводили в лес, подвергали там беспощадным пыткам, слабые при этих пытках погибали (общество все равно не смогло бы прокормить слабых мужчин), а выжившие действительно ощущали себя родившимися заново. Так начиналась их жизнь в тайном лесном жилище, где они изучали повадки зверей, приемы охоты; эти юноши были тесно сплочены, словно волки в стае. Однако они не только охотились, но и разбойничали, причем их жертвами могли стать как соседние племена, так и собственное. Такое «волчье братство» (облагороженное литературной обработкой) и изображает Пушкин в своей сказке. Женщина лишь случайно могла попасть в их лесной дом, и если такое происходило в реальности, то ее непременно опаивали сильнодействующими травами, чтобы она забыла, где была (ведь охотничья удача требует строгой тайны).

Связь образа волка с удачей сохранилась до начала XX века: если волк перебегал дорогу, это считалось хорошей приметой. Вспомним сказку «Иван-царевич и серый волк», где герой путешествовал между волшебными царствами именно на волке, который к тому же выручал его изо всех бед. Но как реальному волку нет места среди людей, так и в мифологической символике живой зверь, не связанный с границей миров, не означал ничего хорошего: появление волка в деревне всегда предвещало беду; сгнившую у дерева сердцевину в народе называют волчьей.

Иван-царевич на сером волке. Иллюстрация И. Я. Билибина. 1899 г. Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером волке. Рисунки И. Я. Билибина. СПб:

Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1901.

Положительная символика мифических волков проявляется везде, где есть представление о границе, причем граница может быть не только в пространстве, но и во времени. Это границы мира живых и мертвых – рождение (о рождении как приходе из мира мертвых подробнее будет далее (#litres_trial_promo)), граница тьмы и нового Солнца – Рождество, поглотившее древний языческий праздник еще в Риме, но сохранившее его символику. Это граница старой и новой жизни – свадьба, и шире – приход нового как таковой. Всё это будет объединять образ волка. Так, ватагу колядующих на Рождество называли волками (о свадьбе уже сказано ранее), новорожденного поросенка или жеребенка, чтобы отогнать от него болезни, называли волчонком (иногда даже и ребенка). Когда у малыша начинали резаться зубки, ему давали грызть зуб волка, – это не только магия подобия (чтобы зубы были крепкими, как у волка), но и привлечение удачи.

К индоевропейской древности восходит представление о том, что волки – это свита бога света. В Древней Греции таким был Аполлон Ликейский (Волчий), стрелы которого – солнечные лучи. Имени языческого предводителя волков мы не знаем (по одной из версий, это бог Ярило), а в народном православии им стал святой Георгий, он же Юрий, Егорий. «Что у волка в зубах, то Егорий дал», – гласит народная поговорка. Если волк утаскивал скотину в лес, запрещалось преследовать его: потерянное животное фактически становилось жертвенным, и в награду за эту жертву ожидали удачи. Широко известна легенда об охотнике, который, заблудившись в лесу, вышел на огромную поляну, спрятался на высоком дереве и увидел, как ночью на этой поляне собрались волки со всего леса, а явившийся перед ними святой Егорий стал распределять, кому какую скотину задрать. Само слово «волк» содержит корень «влечь», то есть «тащить», и означает «тащащий».

Связь волка с представлением об удаче была так велика, что из волчьего хвоста, зуба или даже просто клока шерсти делали амулеты.

Медведь, в противоположность волку, – символ центра потустороннего мира. И, как его хозяин, он воплощает изобилие, плодородие, сексуальность. В фольклоре широко распространены представления о медведе, берущем в жены заблудившуюся в лесу девушку (детская сказка «Маша и медведь» – упрощенный вариант сказки «Медвежье Ушко», где героиня рожает от медведя

сына исполинской силы и возвращается с ним в деревню). Сюда же относятся рассказы о том, как под шкурой убитой медведицы люди обнаруживали бабу в сарафане, или похищенную со свадьбы невесту, или сваху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/barkova_aleksandra/slavyanskie-mify-ot-velesa-i-mokoshi-do-pticy-sirin-i-ivana-kupaly

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити